

хочу потому, что иначе и нѣтъ возможности соединиться намъ, ибо писать въ М. я рѣшительно не могу? Кажется, я объ этомъ писалъ подробно и ясно? Потомъ, какъ вы общаетесь прѣхать? — съ оговорками, что, можетъ быть, дурно сдѣлаете, пожертвовавъ одному чувству другими, хотя и не столь сильными, но все же святыми; что, можетъ быть, убьете сестру и отца, и что, можетъ быть, прѣдете въ бѣлой горячкѣ... Marie, Marie! да кто жъ этакъ соглашается? этакъ только отказываютъ начисто...

„Потомъ, въ одномъ мѣстѣ вашего письма вы увѣряете меня, что ошибаюсь я, думая, что вы не поѣдете въ П. по одному только уваженію къ княгинѣ Марьѣ Алексѣевнѣ; увѣряете, что вамъ это трудно по родственныѣмъ отношеніямъ и по отношеніямъ къ институту. А въ концѣ письма, изъявляя сожалѣніе о мукахъ, въ которыя бросаете меня, оправдываетесь тѣмъ, что не разъ предупреждали меня, что я считаю васъ лучшею, чѣмъ вы есть на самомъ дѣлѣ. Все это, Marie, недостойно васъ, и вы лучше бы сдѣлали, если бы откровенно сказали мнѣ, что не ѣдете только по уваженію къ мнѣнію родныхъ вашихъ и княгини Марьи Алексѣевны. Оно, конечно, такое признаніе было бы тяжело для вашего самолюбія, но по крайней мѣрѣ васъ утѣшила бы мысль, что вы поступили добросовѣстно. А то истиннаго мотива вашей нерѣшительности вы не замаскировали, да и поступили-то не прямо. Я очень ясно вижу, что одна только причина, почему вы боитесь и ужасаетесь, словно смертной казни, ѣхать въ П., это — мысль, что вы, невѣста, поѣдете ко мнѣ, къ жениху, вмѣсто того, чтобы я прѣхалъ къ вамъ, какъ это считается символомъ вѣры московскихъ бабъ и сплетницъ, и княгинѣ Марьѣ Алексѣевнѣ. Вотъ что! Аграфена Васильевна (дай ей Богъ, здоровья!) удивляется, что я заставляю васъ ѣхать одну въ такую погоду. А если я съ вами поѣду, погода переѣмнится? помилуйте, да переѣздъ изъ М. въ П. и обратно, теперь, особенно въ *la belle saison*, да это легче, чѣмъ изъ М. съѣздить къ Троицѣ; это теперь пустая поѣздка, и сколько женщинъ и дѣвушекъ, однѣ одиныхоньки, ѣздить по этой дорогѣ! Сами вы ѣзжали и по проселочнымъ, ночевывали на столахъ въ крестьянскихъ избахъ, среди общества свиней, поросятъ, ягнятъ, куръ, мужиковъ, бабъ. Наконецъ, Marie, я долженъ выразиться откровеннѣе: у меня нѣтъ въ головѣ органа, какимъ бы я могъ понять, почему вы дѣлаете такой важный вопросъ изъ такого пустого дѣла, какъ переѣздъ вашъ изъ М. въ П.? Я вѣрю вамъ, что вы много и тяжело страдаете, да только я не понимаю, какъ же это и отчего, и потому не чувствую никакой симпатіи къ вашимъ страданіямъ, — хотя мысль о нихъ тѣмъ болѣе усиливаетъ мои собственныя.

Аграфена Васильевна ссылается на Б. и на Арманде. Напрасно: вамъ бы слѣдовало умолчать объ этихъ лицахъ, чтобы не встрѣтить ихъ обвинительнаго или насмѣшливаго взгляда, который бы заставилъ васъ покраснѣть. Не Б. для Арм. поѣхалъ за границу (онъ поѣхалъ для самого себя), а Арм. поѣхала для Б. — это разъ, потомъ Арм. прожила съ Б. около двухъ недѣль на моей квартирѣ, до брака своего съ нимъ, и все твердила ему, что вѣнчаться не нужно, что она такъ отдается ему и беретъ на себя всѣ слѣдствія этого рѣшенія, каковы бы они ни были. *Русская барышня* (существо, которое стоитъ прекрасной россиянки) не имѣетъ въ головѣ органа, чтобы понять подобную выходку со стороны страстной, любящей францу-

женки. У Арм. есть отецъ, мать и сестры, которыхъ она безумно любитъ; но она религиозно считаетъ себя обязанной жертвовать одному чувству другими, не такъ сильными, хотя и все-таки святыми.

Письмо ваше, Marie, заставило меня перегорѣть въ жгучемъ жупельномъ огнѣ такихъ адскихъ мукъ, для выраженія какихъ у меня нѣтъ словъ. Мнѣ хотѣлось броситься не на полъ, а на землю, чтобы грызть ее. Задыхаясь и стоя, валяясь я по дивану. Мой докторъ говорилъ на сторонѣ, что если бы я не послалъ къ нему въ четвергъ, я или бы умеръ къ утру отъ удара въ голову, или сошелъ бы съ ума. Когда мнѣ объ этомъ сказали, я не только былъ уже внѣ опасности, но уже получилъ ваше милое, ваше безцѣнное письмо отъ 5-го окт., и потому весело улыбнулся при мысли объ избѣгнутой опасности, думая: теперь мнѣ есть для чего жить. Когда я прочелъ ваше письмо отъ 8-го окт., мнѣ сейчасъ пришла въ голову мысль: и зачѣмъ я посылалъ за нимъ? зачѣмъ посланный мой засталъ его дома? Лучше было бы тогда издохнуть мнѣ, какъ собакѣ, чѣмъ дожить до такой минуты! Вамъ это также покажется непонятнымъ, какъ мнѣ ваши страданія. Горько мнѣ, что мы въ нѣкоторыхъ пунктахъ такъ мало понимаемъ другъ друга. Мнѣ мало того, что вы прѣдете въ П.: меня все-таки будетъ убивать мысль, что вы этимъ принесли мнѣ жертву. Я хотѣлъ бы, чтобы эта поѣздка ничего вамъ не стоила, кромѣ обыкновенныхъ безпокойствъ дороги. Меня убиваетъ мысль, что вы, кого считалъ я лучшею изъ женщинъ, что вы, въ рукахъ которой теперь счастье и бѣдствіе всей моей жизни, что вы, которую я люблю, вы — вы раба мнѣйши московскихъ кумушекъ, салонницъ и тетешекъ. Вотъ чѣмъ Богъ-то наказалъ меня за грѣхи, а не тѣмъ, что вамъ 32 года и что вы больны!... И тяжка наказующая меня десница!...

Въ васъ есть способность къ безграничному самоотверженію, къ любви и преданности полной и совершенной, но не иначе, какъ съ дозволенія правительства и съ одобренія дяденьки съ тетенкой. Будь я вашъ мужъ, а вы моя жена, — о! вы поскакали бы на телѣгѣ ко мнѣ на край свѣта и обидѣлись бы, если бъ кто увидѣлъ въ этомъ что-то необыкновенное и сталъ бы васъ хвалить. Но теперь вы на меня смотрите не какъ на человѣка, котораго вы любите (самый человѣческій и поэтической взглядъ), а какъ на жениха (подлое слово, чтобы чортъ приснился тому, кто его выдумалъ), и позволите себѣ скорѣе умереть, зачехнуть въ горѣ и тоскѣ вѣчной разлуки со мною, чѣмъ увидѣться со мною противъ правилъ приличій, хотя бы отъ этого зависѣло мое спасеніе отъ смерти. Будь я въ Москвѣ, умрай я, вы не рѣшились бы прийти ко мнѣ на квартиру видѣть меня. Да это еще извинительнѣе въ глазахъ моихъ: такимъ поступкомъ вы разорвали бы всѣ связи съ обществомъ и лишили бы себя пристанища приклонить голову; но, выходя замужъ, у насъ, на Руси, дѣвушка ничего не теряетъ, но все выигрываетъ, и если мужъ ее уважаетъ, она имѣетъ полное право плевать на все остальное. Вы, Marie, такъ зависите отъ чуждыхъ вліяній, что даже жалъ васъ. Когда вы поѣхали въ дяденькѣ съ тетенкой, — если бы эти изверги сказали вамъ: конечно-де, глупо жертвовать счастьемъ жизни условному приличію*, — вы бы прискакали бы въ институтъ къ сестрѣ счастливой, веселой, довольной, съ твердой рѣшимостью презирать глупыя условія, и были бы въ восторгѣ отъ своего героизма. Но какъ эти добродушные